

Детское чтение

1891. №2

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Д38

Д38 Детское чтение: 1891. №2 / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 113 с.

ISBN 978-5-458-24354-4

ISBN 978-5-458-24354-4

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,

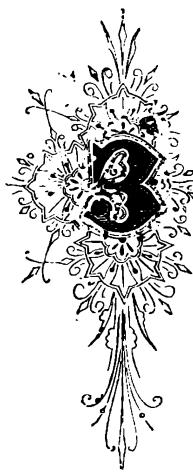
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИМА. ПОЛЯ СКОВАЛЪ МОРОЗЪ,
Бушуетъ выюга на просторѣ;
Стоять, полны тоскливыхъ грезъ,
Лѣса въ серебряномъ уборѣ.
Не грѣеть солнца блѣдный лучъ...
Морозъ, какъ чародѣй коварный,
Накинулы, страшень и могучъ,
На землю саванъ погребальныи.
Все ждеть весны... Она придетъ,
Какъ фея добрая изъ сказки,
И вся природа оживеть.
Отъ благодатной вешней ласки:
Лѣсь обновленный запутитъ;
Въ немъ птицъ сберутся хороводы...
Полна и счастья, и свободы,
Пѣснь соловья намъ загремитъ!

Вас. Огарковъ.

СОВУШКА.

(Посвящается Оль А.).

(Окончание).

IV.

Новые друзья Совушки.

ЕСНА была ранняя. Непосредственно за весеннюю оттепелью сразу наступили такие теплые, почти жаркіе дни, что, подъ вліяніемъ животворныхъ лучей яркаго солнышка, черемуха зацвѣла въ половинѣ апрѣля, а къ Пасхѣ, бывшей около 22-го числа этого мѣсяца, и сирень уже украсилась своими душистыми, блѣдыми и лиловыми цветами. Фіалки отцвѣли необыкновенно рано, быстро уступивши мѣсто блѣснѣжнымъ ландышамъ. Ветлы задумчиво качали своими гибкими, тонкими вѣтвями, покрытыми сѣро-зелеными острыми листиками; весело трепетали своей

глянцовитою ярко-зеленою листвою березы; клены развертывали свои изящные, красивые лапчатые листья; одни только дубы, съ своими еще оголенными сучьями, стояли мрачные и серьезные на этомъ ~~праздникѣ~~ весны.

Хорошо было въ большомъ институтскомъ саду: жадно впивала грудь живительный весенний воздухъ, напоенный ароматами цвѣтовъ. Начались приготовленія къ экзамену и воспитанницы старшихъ классовъ, пользуясь своей привилегіей, разбрелись по всему саду съ своими тетрадками и книжками; роднымъ было предоставлено право впідѣться съ своими дочками, племянницами и внучками тутъ-же на лѣсномъ привольи, такъ какъ институтскій садъ вовсе не былъ садомъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, а роскошнымъ обширнымъ паркомъ, съ красивыми легкими мостиками, переброшенными черезъ лѣсистый оврагъ, проходившій посрединѣ, съ дорожками, усыпанными крупнымъ пескомъ, съ скамейками, купальнями на большомъ пруду и проч., и проч.

На холмѣ, въ концѣ сада, тамъ, где онъ былой стѣнной отдѣлялся отъ примыкавшей къ нему рощи куница Скорнякова, сидѣла Саша Голубинова, обложенная книгами и тетрадями. Ея хорошенъкое веселое лицико было серьезно; бойкіе, насыщенные глазки ежеминутно переходили съ лежавшей передъ ней книги на тетрадку, которая быстро покрывалась круглыми и мелкими буквами Сашинаго письма. Пунцовыя, пухлые, такъ охотно смыкающіяся, губки были плотно сжаты. По временамъ дѣвушка брала другую большую, толстую книгу, валявшуюся тутъ-же на травѣ, около нея; быстро мелькали тогда проворные, гибкіе пальчики, перевертывая листы,

пока не находили того, что имъ нужно было; затѣмъ толстая книга небрежно отбрасывалась въ сторону, а карандашъ снова начиналъ свою прерванную на время бѣготню по бумагѣ: Саша переводила и дѣло шло пока успѣшно,—переводъ этотъ долженъ былъ играть не маловажную роль на письменномъ экзаменѣ нѣмецкаго языка. Саша любила заниматься языками и была по этому предмету первой ученицей; ея переводы считались образцовыми въ институтѣ и Саша мечтала со временемъ занять выдающееся мѣсто въ ряду русскихъ переводчикъ.

Работа была спѣшная и дѣвушка торопилась,—хорошенькая насмѣшница умѣла быть прилежной, когда хотѣла. Вдругъ за бѣлой стѣной раздался крикъ.

— Мой, мой,—кричалъ звонкій дѣтскій голосокъ.— Мой букетъ. Я набрала. Отдай сейчасъ, противный, скверный Лелька.

Послышались усиленная топотня ногъ, хрустѣніе вѣтокъ, шелестъ листьевъ. Очевидно, за стѣной происходила борьба.

— А вотъ и осѣчка! Что? достала?—насмѣшило звучалъ грубоватый голосъ мальчика.—Ну-ка, прыгни еще, прыгни еще! Такъ, такъ! Ха-ха-ха!

— Противный, противный, противный!—пищала дѣвочка.

— Сколько хочешь бей, матушка, мнѣ не больно, а все-таки тебѣ не видать букета, какъ своихъ ушей!— поздѣвался мальчикъ.

— Ну, скажи, развѣ это честно? Ну, скажи, Лиля!— горячась обратилась дѣвочка къ подругѣ, очевидно, только что подошедшей.—Его тетя просила набрать лан-

дышей, такъ ему самому-то лънь, онъ и отнялъ у меня. Гадкій!

— Да вѣдь у тебя и безъ этого пять цѣлыхъ,— оправдывался мальчикъ. — А собирать ландыши, дѣйствительно, скучно.

— Отнять у другихъ несравненно легче и веселѣе! — послышался спокойный, контратвтовый голосъ взрослой дѣвушки.

— Нѣтъ, ты скажи, скажи, по какому праву ты изъ рукъ выхватилъ у меня этотъ букетъ? — допытывалась дѣвочка.

— Разумѣется, по праву сильнаго! — сказала дѣвушка.

— Слушай, Катя, вотъ тебѣ условіе: если догонаешь меня — отдаамъ букетъ, не догонишь — тю-тю! Ну! разъ, два, т—р—и! Вали!

Послышался топотъ дѣтскихъ ногъ и смѣхъ дѣвушки.

— Лови, лови, Катя! Гляди: онъ тамъ непремѣнно зацѣпится и упадетъ. Бѣги по той дорожкѣ, на перебѣзъ! Живѣй! Такъ, такъ!

Этотъ маленький эпизодъ за бѣлой стѣной, несмотря на всю свою незначительность, отвлекъ вниманіе Саши и ея работа пошла медленнѣе.

Наконецъ, гибкіе пальчики съ такой силой нажали на карандашъ, что кусочки переломленнаго графита брызнули во всѣ стороны; книга съ досадой была отброшена въ одинъ конецъ, тетрадка въ другой; сама же Саша, сердито топнувъ ножкой, бросилась навзничъ и растянулась своей гибкой, граціозной, небольшой фігуркой на сырватой, усыпанной прошлогодними листьями, почвѣ, закинувъ руки за голову. Ея каріе глазки опустили свои длинныя, темныя, густыя рѣсницы на

покрывшія румянцемъ смуглыя щечки, только малень-
кія ножки сердито выбивали трель на землѣ, покрытой
ярко-зеленої молодой травкой, а грудь порывисто и не-
ровно дышала. Но скоро ножки присмирились, дыханіе
сдѣлалось глубже и ровнѣе: дѣвушка задремала.

Внезапный порывъ вѣтра подхватилъ небрежно бро-
шенную тетрадку и, шаловливо перебирая и шелестя
ея листами, перенесъ ее на другое мѣсто, какъ разъ на
ту самую дорожку, по которой шла маленькая, худень-
кая фигурка, въ порыжевшемъ пальто и въ смѣшномъ,
старомодномъ капорѣ, на волнистыхъ, сѣдыхъ волосахъ.

Лизавета Степановна (это была она) наклонилась,
подняла тетрадку, на мгновеніе приблизила ее къ своимъ
очкамъ и затѣмъ посмотрѣла на лежавшую съ закры-
тыми глазами дѣвушку. Казалось, послѣдняя спала.

Лизавета Степановна тихо нагнулась и осторожно
хотѣла положить тетрадку подъ тяжелый томъ словаря;
но въ это время дѣвушка быстро приподнялась на локтѣ
и съ удивленіемъ взглянула на стоявшую передъ нею
старушку.

— Вотъ ваша тетрадка,—тихимъ и слабымъ голо-
сомъ проговорила Лизавета Степановна,—ее было вѣт-
ромъ унесло. А я, простите, кажется, разбудила васъ?

— Благодарю васъ,—произнесла дѣвушка, вскаки-
вая на ноги. (А, „Совушка“! тетка Левицкой! „пред-
метъ“ нашей Злобиной! Въ первый разъ вижу ее такъ
близко. Что за уродъ, Боже мой! А не познакомиться-ли?
поболтаемъ, все равно проклятый Гѣцъ сегодня не пе-
реводится... мелькнуло въ Сашиной головкѣ).—Это мой
переводъ къ экзамену. Позвольте: вѣдь, если не ошиба-
юсь, вы—тетушка Левицкой? Мы съ ней одноклассницы?

— Да, я ея тетушка,—отвѣтила Лизавета Степановна.—Я также догадываюсь, кто вы: м-ле Голубинова, не такъ-ли?

Глазки Саши насыщливо и задорно блеснули.

— Да! я—она,—отвѣтила Саша.—Я почти увѣрена, что Надя, или, что вѣрнѣе, Злобина, которая васъ „обожаетъ“, уже отрекомендовала вамъ меня, какъ приставку, насыщницу, „для которой нѣтъ ничего святого“. Маша особенно часто примѣняетъ ко мнѣ, это выраженіе.

По блѣднымъ губамъ старушки скользнула тихая улыбка.

— Слышала я только, что вы дѣвушка живая, веселая, всегда не прочь посмѣяться. Что-жъ? смѣхъ вещь хорошая, лишь-бы онъ слезъ другимъ не доставлялъ.

„Что это—проповѣдь“?—подумала Саша и уже приготовилась дать отпоръ, какъ Лизавета Степановна, указывая на тетрадь, спросила:

— Переводите?

— Да, перевожу.

— Гетеевскаго „Гѣца“?

— Его. Почему вы это узнали?

— По той фразѣ, которая бросилась мнѣ въ глаза, когда я подняла вашу рукопись и посмотрѣла на нее, чтобы узнать, что это такое.

— Проклятая фраза!—неудержимо вырвалось у Саши,—все-таки не вышла, какъ слѣдуетъ.

— Вы не совсѣмъ вѣрно передали значеніе текста,—скромно замѣтила Лизавета Степановна.—Тамъ сказано не то, кажется. Я сама когда-то занималась нѣмецкимъ языкомъ. Мнѣ помнится, что въ оригиналѣ сказано иначе.

И Лизавета Степановна процитировала неудавшееся Сашъ мѣсто.

Саша уже схватила томикъ Гете и быстро перелистывала его, желая найти требуемое.

Черезъ минуту цвѣтущее лицо дѣвушки и блѣдное увядшее лицо „Совушки“ были склонены вмѣстѣ надъ книгой. Лизавета Степановна сняла, такъ безобразившіе ее, круглые синіе консервы и Саша увидѣла, что за этими очками скрывались болѣшіе, красивые, сѣрые глаза съ безконечно мягкимъ, задумчиво-грустнымъ выраженіемъ. Свѣтъ, струившійся изъ этихъ глазъ, имѣлъ какую-то притягательную силу и такъ освѣщалъ всѣ черты некрасиваго, стараго лица, что Саша созналась себѣ, что никогда еще не видала такого прелестнаго выраженія, какъ у этой „чучелы“, какъ еще нѣсколько минутъ назадъ окрестила она старушку.

Неладившаяся фраза, благодаря совѣту Лизаветы Степановны, была улажена, и молодая дѣвушка и старуха просидѣли добрые полчаса времени, весело разговаривая и сравнивая съ текстомъ Сашинъ переводъ. Надя нашла Голубинову и тетку оживленно и съ увѣченіемъ болтавшими о нѣмецкой литературѣ, до которой Саша была большой охотницей. Лицо дѣвушки имѣло милое и ласковое выраженіе, какъ это бывало всегда, когда она была въ духѣ, какимъ видѣла его Надя въ тѣ дни, когда къ Голубиновой прѣѣзжалъ обожаемый ею отецъ—красивый, еще очень молодой полковникъ, съ карими, живыми глазами.

— А я совсѣмъ завладѣла твоей тетей,—весело замѣтила Саша Левицкой и, крѣпко цѣлуюсь на прощаніе со старухой, прибавила:— вы позволите мнѣ иногда

показывать вамъ мой переводъ? Вы—такой знатокъ по этой части, да и разговора о Шиллерѣ мы еще не кончили.

— И переводъ показывайте и о Шиллерѣ поговоримъ,—улыбаясь своей мягкой доброй улыбкой, отвѣтила старуха, сердечно пожимая руку хорошенъкѣ Саши.

Склонная побалагурить и посмѣяться, Саша была очень увлекающейся, даже немного эзальтированной натурой. Живыми красками описала она начитанность и симпатичность „Совушки“. Въ своемъ классѣ умная и способная Голубинова пользовалась большимъ вліяніемъ; ея мнѣнія цѣнились высоко и вотъ съ ея легкой руки, понемногу всѣ подруги перезнакомились съ очаровавшей Сашу старушкой, и всѣ въ свою очередь были ею очарованы...

Кончились экзамены и большинство институтокъ разлетѣлось въ разныя стороны; однѣ, кончившія экзамены благополучно, уѣзжали веселыя и довольныя, съ легкимъ сердцемъ; другія, оставшіяся на годъ въ томъ-же классѣ,—менѣе хорошо настроенные; всего-же, кажется, недовольнѣе были тѣ, которымъ предстояли перезкзаменовки и которые, слѣдовательно, имѣли въ перспективѣ кориѣнѣе надъ книгами въ лѣтніе жары, когда такъ тянетъ въ лѣсъ, въ поле!.. На лѣто въ институтѣ остались только воспитанницы 1-го выпускнаго класса, не имѣвшія права въ послѣдній годъ своего пребыванія въ институтѣ уѣзжать домой на каникулы, да тѣ изъ воспитанницъ другихъ классовъ, которыхъ почему-либо нельзя было взять домой. Оставшіяся въ институтѣ воспитанницы пользовались лѣтомъ сравнительно большей свободой, нежели то было въ другое

время; особенные-же преимущества выпадали на долю „выпускныхъ“. Онѣ чуть-ли не цѣлые дни проводили въ своемъ огромномъ саду; однѣ сидѣли съ книгой въ какомъ-нибудь тѣнистомъ уголку, на скамейкѣ, или-же просто на травѣ; другія безцѣльно бродили по аллеямъ парка, мечтая о своемъ будущемъ; иные-же группами въ 2, 3, 4 воспитанницы ходили, обнявшись, и вели нескончаемые разговоры на ту-же тѣму, на которую мечтали ихъ подруги,—то есть о выпускѣ и о томъ, что ожидаетъ ихъ въ этомъ, такъ манившемъ ихъ къ себѣ невѣдомомъ и привлекательномъ мірѣ,—тамъ, на волѣ, за институтскими стѣнами. Часто въ дни и часы приема можно было гдѣ-нибудь на скамеечкѣ, подъ тѣнью роскошной липы или старого вѣтвистаго дуба видѣть и тщедушную фігурку Лизаветы Степановны съ ея вѣчнымъ вязаньемъ или вышиваньемъ въ блѣдныхъ, худенькихъ сморщеныхъ рукахъ. Около нея, кромѣ неизмѣнной Нади, всегда группировалось нѣсколько „выпускныхъ“, болтавшихъ о томъ, о семъ; онѣ со всѣмъ перестали стыдиться Надиной тетки, ставшей, когда онѣ ближе узнали ее, какъ-бы родной и имъ, и она слушала ихъ щебетанье съ своей обычной грустно-ласковой улыбкой.

V.

Совушка въ лазаретѣ.

БЫСТРО пролетѣло лѣто, наступилъ августъ, и институтъ снова наполнился вернувшимися изъ дома воспитанницами съ безконечными рассказами объ ихъ лѣтнемъ житьѣ-бытьѣ и ворохами